

КРОКОДИЛ

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

Родился в 1966 году. Окончил физический факультет Московского университета. Писатель и литературовед. Работал главным журна-

листом — рецензентом и критиком. Автор нескольких книг прозы и эссеистики. Много лет работал школьным учителем и преподавателем высшей школы.

Митя очень хорошо помнил свою первую встречу с Крокодилом.

Это было во время Праздника весны, который почти совпал с его днем рождения. Мите исполнилось двенадцать, и его теперь в первый раз должны были вести к священному фонтану. Он спал плохо, заснув только под утро. Шутка ли — в первый раз к фонтану. В этом сне-воспоминании время текло удивительно медленно: «Мама, мама, а крокодил посмотрит на меня?» — спрашивает Митя. Мама не отвечает, и оказывается, что она трясет его за плечо: «Митя, пора вставать».

Так он выпадает из другого, настоящего сна, где Крокодил смотрит на него и благословляет. После завтрака мать выдернула его за руку из дома, как цепочка выдергивает пробку из ванной. Папа шел сзади, с букетом цветов.

Город был залит весной. Они влились в общий поток, который быстро вынес их на вокзальную площадь, где стоял священный фонтан. Фонтан из-за чужих спин был не виден, но Митя прекрасно знал, как он выглядит.

Там сошлись в ритуальном танце Шестеро Великих, что совсем еще детьми просили Крокодила о помощи. Он внял им и спас все человечество от черной чумы. Шестеро плясали вокруг него, отчего история продолжила свое движение. Великий Крокодил победил пришедшего с запада врага. Он

сожрал этого врага, он растоптал его, а потом, открывая пасть, сплевывал оружие, пряжки и подковки того, чье имя никто не должен произносить. И мы остались живы, чему были свидетелями восемь белых лягушек, сидящих на бортике фонтана. Символам и их значениям были посвящены десятки, если не сотни книг — для взрослых и детей. Всем вместе — и каждой лягушке в отдельности.

Митя знал все это наизусть, и главным желанием его было быть одним из Шестерых. Но время Шестерых прошло, маленькие герои растворились в школьных учебниках и патриотических фильмах. Правда, у каждой школы стояли шестеро героев, а Митя давным-давно носил на груди шестиконечную звездочку с маленьким крокодилом.

Крокодила любили все, даже папа, который никого не любил, кроме мертвых художников. Ну и мамы, конечно.

Папа был искусствовед и много лет писал диссертацию о французском по имени Матисс. Тогда французское искусство было признано упадочным, и еще, кажется, у французов были сложные отношения с лягушками, и вообще французы были неприятным народом. Сперва папа доказывал, что они неприятны, но обладают какими-то положительными чертами, потом ему посоветовали убрать положительные черты, что он и сделал. Но пока папа переписывал текст, наш великий народ

снова подружился с французами, и папе велели добавить положительных черт, а из плохих – ограничиться лягушками и чем-то еще.

Диссертация не была защищена, и папа очень страдал. Мама вставала посреди кухни, как соляной столп. Митя не знал, что это такое, и каждый раз воображал себе сталактит, который он видел на экскурсии в Пещере Крокодила. Или сталагмит – он вечно путался в этих словах.

Итак, мама заламывала руки и называла художника Матисса – он. Матисс нарисовал знаменитый фонтан, не нарисовав фонтана. Шесть розовых фигур плясали вокруг зеленой пустоты, и картина называлась «Танец». Зритель должен был вообразить все сам – и фонтан, и Великого Крокодила, и спасение. В конце концов, Великий Крокодил спас всех, когда порвал, растоптал, а потом съел врага, прилетевшего ниоткуда, злого гения. Это было «упадочно», но, в конце концов, какая-то любовь к Крокодилу в этом присутствовала.

Но французского художника мало кто помнил, диссертация лежала пачкой листов в папином столе, а мама мерзла без шубы.

Митя тоже любил Крокодила, почти так же, как папу и маму. Или даже больше. Папа хотел, чтобы Митя стал художником, потому что не стал им сам, а мама говорила, что лучше б Митя пошел на вертолетный завод инженером или стал изобретать автоматическое оружие, ведь в нашем университете есть специальный факультет для этих наук. Известно, что наши автоматы могут стрелять в огне и в воде и даже когда проржавеют насквозь.

Однажды в школе он шел, задумавшись, по коридору. Время опять как во сне длилось, и в его рассуждения то и дело навевался французский художник Матисс, который так мешал жить папе, но в какой-то момент Митя натолкнулся на своих одноклассников. В центре маленькой группы стоял известный хулиган Вовик и изображал в лицах Крокодила и Шестерых. Это было очень неприятно и страшно, Крокодил выходил несчастным и пьяненьким, каким бывал папа, вернувшись с художественных выставок, куда ходил по службе.

Вовик взмахивал руками и говорил, помогая себе мимикой:

– И он такой: «Прочь, дети, прочь, меня тошнит!»

И одноклассники Мити, собравшись в круг, смеялись. Даже Нелли, девочка, которая Мите нравилась настолько, что он хотел нарисовать ее портрет, смеялась. Они смеялись этому кошунству, и уже сам Митя видел, как мучается по-

хмельный крокодил, а Шестеро, кружась вокруг него в танце, поют: «Крокодил, крокодил!..» Тогда он бросился на Вовика с кулаками, крича что-то неразборчивое. «Не смей, не смей», – кажется. Но Вовик был сильнее, и ничем хорошим это не кончилось.

Сидя в кабинете директора, он думал рассказать все как было, но в нем стали бороться два чувства – отмщение Крокодила и то важное правило, по которому нельзя было прибегать к силе взрослых.

Как-то Митю и Нелли обидели во дворе. Незнакомый мальчик отобрал у них игрушку (сейчас уже Митя не помнил какую), и они поднялись в квартиру Нелли, плача оба. Она от утраты, а он – от того, что не сумел ее защитить. В квартире обнаружился ее отец, и Митя увидел его в первый раз, чем-то этот взрослый, чисто выбритый человек напомнил ему Крокодила. Отец Нелли работал в странной организации, название которой старались не упоминать лишней раз. Он молча посмотрел на дочь, не замечая мальчика. Нелли, утирая слезы, рассказала отцу подробности. И этот гладкий человек повел их во двор. Еще спускаясь по лестнице, Митя поразили грации его тела: он был похож на тираннозавра из школьного учебника, даже нет, Крокодила, идущего на задних лапах. Когда он вышел из подъезда, старушек, которых боялся весь двор, сдуло с лавочки, будто ветром. Отец Нелли шел к песочнице, и, казалось, рядом с ним хухла трава. Остановившись, он начал медленно поворачивать голову. Все стихло, только где-то в коляске плакал ребенок, но и он вдруг затих, будто подавившись.

– Этот? – спросил Неллин отец, указывая на незнакомого мальчика.

Митя увидел, как по чужим штанам расплывается предательское пятно.

Игрушка была возвращена, но веселиться больше не хотелось. Слишком велика была цена: страх, наполненный двор, будто чашу фонтана. В этот момент Митя, книжный трепетный мальчик, раз и навсегда понял, что взрослых нельзя призывать в детскую жизнь, как нельзя лишней раз звать Крокодила.

А теперь Вовик сидел перед ним, понурившись. Он жил вместе с матерью, которая работала уборщицей и экономила на еде, но бросать школу Вовику запретила. Расскажи Митя о пьяном Крокодиле, жизнь Вовика превратилась бы в ад.

И он не сказал директору ничего. Митя гордо поднял разбитый нос, в котором запеклась твер-

дой коркой кровь, и признался, что они подрались из-за девочки.

С Вовиком они потом подружились.

Простить поругания Крокодила Митя ему так и не смог. Хотя нет, простил, конечно... Но не до конца.

Их наказали обоих и отправили обратно на урок биологии.

Там перед учительницей лежало огромное гипсовое яйцо, и она рассказывала, как велика и совершенна природа, которая придумала этот способ размножения. Природа была велика, велик был Крокодил, а человек – жалок и слаб, потому что не мог нести яйца. Митя забыл про свой разбитый нос и стал воображать, как он станет знаменитым художником (несмотря на все расстройство папы от его рисунков) и изобразит на огромном полотне Крокодила и его яйца. Или ему поручат сделать новый священный фонтан.

По всей стране, избавившейся от оков религии, стояло всего шесть фонтанов – во всех местах рождения Шестерых. Один здесь, в Волгограде, другой – в Оренбурге, еще один в Воронеже, четвертый – в Днепропетровске, пятый – в Казани и последний в Чернигове.

Каждый год в марте, когда день становился равен ночи, люди приходили к фонтанам и водили хоровод в честь Великого Крокодила. «Славься, славься, Великий крокодил», – летело над площадями.

А тогда, участвуя в хороводе в первый раз, Митя шел между мамой и папой, взяв их за руки. Он шел и пел со всеми: «Славься, славься, Великий Крокодил! Ты нас от смерти спас в добрый час, славься, славься, Великий Крокодил». Так он прикасался к истории.

Хоровод змейкой вынес его к основанию фонтана, и Митя вдруг встретился глазами с Крокодилом. Бетонный глаз посмотрел на Митю недобро, так, что он споткнулся и повис на руках родителей.

Это длилось всего секунду или две, Крокодил был жив и смотрел на Митю вовсе не так, как смотрит на сына добрый отец. Он смотрел на него равнодушно и безразлично, как смотрят на кусок мяса. На секунду Мите стало жалко того, кого не стоит называть и кто был уже внутри этого зверя. Врага или не врага, человека на букву «б».

Кажется, в этот момент маленький Митя раздумал быть художником. Больше того, сам не признаваясь себе, он решил разгадать Крокодила.

Крокодил был посредником между людьми, странной ошибкой природы и миром великих.

В школьных сочинениях Митя потом писал, что когда вырастет, то научит людей рождать потомство в идеальном домике – яйце. Исчезнет детская смертность, и человек будет вылезать из своей скорлупы, готовый ко всем неожиданностям.

Он действительно стал биологом. Человека в яйце Митя не изобрел, но зато научился моделировать походку давно исчезнувших динозавров с помощью обычных куриц. Это была довольно смешная работа, и про нее много писали. Митя стал известен и даже защитил диссертацию раньше, чем его печальный отец.

Нелли уехала в столицу, и Митя потерял ее из виду. Как-то, приехав на конференцию, он встретил ее на улице. Скользя по нему взглядом, она отвернулась к витрине. Было понятно, что она его не узнала. Да и сама она сильно изменилась и подурнела.

Митя на минуту представил себя зятем крокодила и поежился.

Вовик работал в газете. Время от времени они встречались, и Мите тогда казалось, что дух его лабораторного спирта смешивается с выхлопом питьевого спирта Вовика. Однажды тот напился слишком сильно и зашептал Мите в ухо свои тайны.

– А ты знаешь, – бормотал Вовик, – как называется фонтан? Как он называется по-настоящему? «Бармалей»! Этот Бармалей был негр. Наш крокодил сожрал какого-то негра, и мы сто лет этому радуемся. Шестеро пляшут вокруг невидимого Бармалея, а не вокруг Крокодила. Поэтому-то фонтан называется «Бармалей», ты понял? Бармалей – не виноват, он жертва. Может, это он хотел нас спасти?

Митя морщился, но слушал. А Вовик все шептал: – А может, все не так, как нас учили? Может, крокодил, который защитил нас, не так хорош? Знаешь апокриф о том, что Крокодил съел Солнце? Все слышали, но никто не признается. А почему в школьных учебниках нет даты смерти Шестерых – их будто Крокодил языком слизал. Куда они подевались?

В словах Вовика была какая-то важная правда, что-то недостаточно хорошо складывалось в мире, не входило в пазы, не щелкивалось до конца. Митя вновь чувствовал себя школьником, у которого сошлись с ответом первые цифры решения, а второй знак после запятой не сходился.

И вдруг Вовик исчез, просто исчез. Общие знакомые отводили глаза так, что Митя прекратил расспросы. В конце концов, отец Нелли работал

в одной организации, которая ведала разговорами о Крокодиле, а стал бы он спрашивать его о чем-нибудь? Да никогда.

Шли годы, Дмитрий Львович занимался своими курицами, но его не оставляла мысль об устройстве Крокодила. И в какой-то момент его взяли в экспедицию. Она отправлялась в Африку, на кладбище динозавров.

Дмитрий Львович провел там три месяца, не выбираясь за охраняемый периметр, потому что самостоятельные прогулки были запрещены. Он сортировал кости динозавров, дул на них, чистил, снова раскладывал в нужном порядке, и это была еще одна ступень к славе. Но главной наукой для него была тайна Крокодила.

Спаситель представлял в этой науке обыкновенным существом, и то хладнокровие, которое ставилось Крокодилу в заслугу, выходило недавним приобретением. Митя дорого бы дал за возможность препарировать настоящего Крокодила и посмотреть на его сердце. Вдруг раньше Крокодил был теплокровным? А вдруг те бетонные капли, которые Митя увидел на брюхе священной статуи и запомнил навсегда – честный намек на соски? А если крокодил был млекопитающим?

Но все это были вопросы абстрактные. Священный Крокодил не подлежал изучению.

Пришел срок командировки, и Дмитрия Львовича повезли обратно. Но через полчаса после взлета его маленький вертолет чихнул мотором и воткнулся носом в болотистый берег реки. Пилот висел на привязных ремнях, и голова его была неестественно вывернута. Пахло бензином из мотора и гнилью от земли.

Дмитрий Львович выбрался из скомканной машины, прижимая к груди сломанную руку. Болота дышали ему в лицо – влажно и страшно. Кажется, там кто-то квакал.

И в этот момент встретил Крокодила. Крокодил вышел к нему из воды и стал приближаться, не касаясь брюхом почвы. Дмитрий Львович много раз описывал эту «высокую походку» в своих статьях, но видел в первый раз. По привычке он вспомнил своих куриц, динозавров, динозавроптиц... Обидно, что никто не разберет без него эти дурацкие кости.

Крокодил посмотрел ему в глаза, и Дмитрий Львович узнал эту черноту. Точно так же смотрел на него Крокодил в родном городе, когда он висел между папой и мамой, а хоровод нес его вокруг священного фонтана.

Над ухом у него что-то грохнуло, а потом еще раз. Дмитрий Львович подумал, что взорвалось что-то в вертолете, но вдруг понял, что крокодил не двигается.

Из кустов вышел невысокий черный человек со ржавым автоматом в руках. Оружие было таким ржавым, что это было видно даже издали.

Негр был стар и не очень одет. Он улыбнулся Дмитрию Львовичу и показал ему большой палец.

И Митя понял, что он встретил Бармалея.

ОХОТА НА ЖУКОВ НА БЛОКПОСТУ № 9

Сереза лежал в высокой траве и смотрел на небо. В дозоре это, разумеется, было запрещено, но тут, на передней линии, правила были другими.

Он вспоминал отчего-то не дом, а дачное лето, когда вокруг вились стрекозы, а в траве шуршали ежи. Ежа, говорили, можно приручить.

Блокпост жил своей жизнью. Там, за вереницей бетонных блоков, начиналась дорога, спускавшаяся с холма. Миновав ущелье, она поднималась на соседнюю гору, к закату. Дальше никто не заглядывал – даже дроны. Кажется, дальше было то, что раньше называлось Махачкала.

Но проверить этого никто не мог, да и Сереза один помнил географические названия из прошлого. В детстве у него был красивый старый атлас, не имевший теперь практической ценности. Он вообще был сын людей с образованием и после призыва мог рассчитывать на инженерные войска, а вот попал сюда – в таможенную охрану. Никакой торговли с югом уже не было, а название осталось. На блокпосту еще виднелась огромная надпись по трафарету «Таможня», но уже не все солдаты понимали, что это значит.

Их дело было – не пропускать ничего и никого, и с этой задачей они справлялись. Все потому, что на дороге не было ничего и никого, только давным-давно на ту сторону прошел конвой, да и тот не вернулся назад.

Старослужащие рассказывали, как несколько лет назад через блокпост ломались беженцы. Для того чтобы их сдерживать, на той стороне ущелья сделали палаточный лагерь. Но в какой-то ничем не примечательный день, когда беженцам в очередной раз привезли пищевые концентраты, оказалось, что жители лагеря исчезли. Только ветер шевелил пологи пустых палаток.

На смену беженцам пришли жуки.

Большие жуки, как сказал бы проводник служебной собаки Дрищ, «в холке по колено». Но это была загадочная фраза – есть ли у жука холка? Есть ли у него рост? Или его рост – длина?

Жуки никогда не переходили разделительную линию. Саперы говорили, что у них удивительное чутье на минные поля, но даже там, где не было мин, они поворачивали обратно ввиду красных предупреждающих табличек, будто умели читать.

Сереза услышал похабную песню, которая становилась все ближе, и узнал голос разводящего.

Он встал, отряхиваясь, и прихлопнул у себя на шее жучка. На этой стороне жуки, комары и стрекозы были вполне нормальные.

Сержант-разводящий привел еще двух солдат, и Сереза понял, что сейчас будет. Это была давняя забава – стрелять по жукам. У жуков было избыточное давление внутри, и при попадании они взрывались, как бомба. Раньше тут так стреляли

по арбузам, но арбузы вот уже десять лет тут не росли.

Сереже эта забава была отвратительна, но ничего поделаться он не мог.

Солдаты были первого года службы и смешно вертели лопухими головами. Они не могли привыкнуть ко всему, что их окружало, – к горам, жару и разделительной линии. И к жукам, конечно.

Солдаты легли на сухую прокаленную землю, и разводящий стал над ними. Ударом ботинка он развел ноги лежащих на правильный угол, и все стали ждать.

Наконец, первый заметил в оптику какое-то шевеление. Он выстрелил, но не попал.

Тут и Сережа увидел трех жуков. Один был довольно крупный, с заметными темными пятнами на теле, а два других сильно меньше. Соседи двигались по идеальной кривой, максимум которой был в метрах двадцати от таблички-предупреждения на деревянном столбике.

Наконец, второй солдат попал в самого большого. Тот на мгновение превратился в шар серых брызг – совсем близко от них. Сереже даже показалось, что капли долетают до разделительной линии. От жука остались только шесть ног и днище, похожее на миску, из которой удалили содержимое.

Настал черед и среднего – его подстрелил сам сержант. Третий жук не торопился бежать, а все крутился вокруг места гибели своих родственников. Первогодок истратил на него четыре патрона, но так и не сумел попасть.

Жук приблизился и фырчал очень смешно. Только двигался он навстречу своей смерти.

– Эй, хватит, – крикнул Сережа. – Побаловались – и будя.

– Тебе жалко, что ли? – разозлился разводящий.

– Х-хватит.

Сержант скинул с плеча автомат и шарахнул очередь, но пули только выбили искры из камня. Жук фырчал совсем близко, и видно было, что ему не страшно умирать.

– Хватит, – миролюбиво сказал Сережа, но перекинул автомат на грудь. – В следующий раз придете.

Первогодки переминались с ноги на ногу и, судя по всему, ничего не понимали. Разводящий зло плюнул Сереже под ноги, но ушел. Приказывать в этом диком краю было бессмысленно – даже сопливному мальчику из образованных.

Вечером они подрались с сержантом – зло и коротко. Никто не взял верх, но вражда между ними

укрепилась, как блокпост, обставленный бетонными блоками.

В следующий раз сержант специально оставил Сережу одного и не менял его лишнюю ночь. Это Сережу не обидело, потому что к нему пришел жук. Таможенная служба кинула жуку полпластины пищевого концентрата и убедилась, что тот все съел.

Через два дня, придя на пост, Сережа снова увидел своего жука. Он медленно двигался вдоль линии и все так же фырчал. «Он опять пришел на место гибели своего отца и брата», – решил Сережа. Теперь с ним в карауле был солдат с севера, и этот парень, прислушавшись, сказал, что жук фыркает, как большой еж.

Сережа снова кинул гостю концентрата, и караульное время потекло медленно.

Жук приходил каждое дежурство, и поэтому Сережа выпросил у проводника караульной собаки немного собачьего корма. Белкового концентрата на жука уже не хватало. Проводник караульной собаки по имени Дрищ оказался единственным, кто отнесся к новой дружбе Сережи с пониманием. Сказывалось его отношение к животным вообще: людей Дрищ не любил, а вот любую живность уважал безмерно.

Остальные относились к жуку неприязненно.

Сержант так и вовсе говорил, что Сережа ходит трахаться со своим жуком. Солдаты ржали, но втайне завидовали. На блокпосту хорошо иметь кота или собаку, но здесь не было ни одного кота километров на двадцать вглубь санитарной зоны, а со служебной собакой не забалуешь. А мужчинам вдаль от дома нужно куда-то девать свою нежность.

Как-то через блокпост прошла экспедиция на ту сторону. Ученые ждали конвоя, и один из них прожил два дня среди бетонных блоков и плит. Этот толстый, сильно потеющий человек в армейской панаме говорил, что жуки не так просты, как многим кажется. Они строят целые города и при этом именно в тех местах, где были города людей. Исчезнувшие постройки отражаются в домах жуков, как в кривом зеркале, – будто жуки знали и помнили, как они выглядят. Это было видно с дронов, но потом большая часть дронов испортилась, а ремонтировать их стало некому. Ученый показывал Сереже снимки, а остальным солдатам до них дела не было. Для них жуки были не цивилизацией, а красиво взрывающимися арбузами.

Охота на жуков оставалась тут единственным развлечением, и им никто не хотел поступиться. Кроме Сережи, разумеется.

Ученый был уверен, что раньше эти жуки умели летать, и про это даже сочиняли песни. Но говорил он это довольно неуверенно. Кажется, это и было его задачей – понять, летают они или начисто потеряли такое свойство. Сережа хотел расспросить толстяка о других подробностях, но тут за учеными пришел конвой из двух бронемашин. Обрато никто не вернулся – ни машина с учеными, ни два бронетранспортера. Сережа утешал себя тем, что они, может быть, вышли через другой блокпост, а о таких вещах им не докладывали.

Через неделю, чтобы отомстить, сержант придумал посылать Сережу на обход разделительной линии – поправлять таблички и проверять, не рвануло ли что на минных полях. Так он надеялся разлучить Сережу с жуком, и, действительно, жук, несколько раз не встретив своего спасителя на обычном месте, пропал.

Для обхода идти нужно было далеко, километров пятнадцать. В третий раз Сережа довольно далеко от блокпоста неудачно поставил ногу на тропе и скатился по склону вниз, подвернув ногу. Первое, что он увидел рядом, – своего жука. Жук стоял на краю разделительной линии, фырчал и нерешительно шевелил лапками. Наконец что-то шелкнуло в мозгу насекомого, и он принял решение. Жук пересек границу и приблизился. Лапками он ухватил пустую флягу и потащил ее прочь.

Сережа закрыл глаза. А когда он открыл их, то увидел, что жук тащит к нему флягу, уже полную, правда, не сумев прикрутить пробку до конца. Фляга оставляла на траве мокрый след, но половина воды в ней осталась.

Сережа сделал несколько глотков и стал ждать помощи, а жук печально кружил рядом. Сержант несомно обнаружил пропажу, и только служебная собака взяла след. Дриц с еще одним солдатом вытащили пострадавшего наверх.

Жук при этом предусмотрительно спрятался.

Так Сережа избавился от обязанности по обходу разделительной линии. Правда, в бессмысленный караул его по-прежнему посылали, и он все так же лежал в тенике, положив на камень еще болевшую ногу. Над ним на север плыли облака, и можно было, вслед полковому психиатру, представлять, на что они похожи.

Жук копошился рядом. Теперь Сережа соглашался, что он похож на большого ежа и фырчит так же успокаивающе. Уже было понятно, что в мыслях жука отражаются человеческие эмоции. Он был способен на помощь и дружбу. «Недаром, –

думал Сережа, – жук выбрал именно меня, чтобы быть прирученным. Нашел единственного из всех обитателей блокпоста, который был способен на дружбу. Или то, что у них, жуков, понимается под дружбой. Сейчас он копошится рядом, роет лапками землю... Интересно, о чем он думает?»

Жук в этот момент думал о том, что летом полно еды – от землероек до зайцев. Но скоро выпадет снег, и еда спрячется в норы. Поэтому зимой можно съесть этого двуногого, которого, кажется, он приручил.

